

Иван Аглицынкин

ПАДЕНИЕ

«Красный свет — дороги нет». Эти слова крутятся у меня в голове, пока я стою в ожидании момента, когда красный человечек исчезнет и появится зеленый. Не помню, есть ли там рифма про зеленый свет, но это не так важно, ведь никому не будет дела, если ты останешься стоять, когда он загорится. А пойдешь на красный — и тебя заберут. «Человек, нарушивший закон, не может оставаться среди людей».

Я никогда не подхожу к линии ближе чем на два шага. Нет, это не фобия. Помню, один паренек из моего класса боялся пользоваться школьным туалетом — вот это фобия. А держать дистанцию от линии — элементарная мера безопасности. Тебя могут толкнуть нечаянно, ты наступишь на проезжую часть и нарушишь закон. Ярик говорит, что за такое не забирают. Возможно. И все же я стою в двух шагах от линии и изучаю затылки тех, кто стоит к ней ближе, чем я. По затылкам сложно определить, какие у людей фобии.

Зеленый человечек. Я пробиваюсь сквозь поток пешеходов и оказываюсь на другой стороне дороги. Мы с Яриком договорились встретиться в 8 вечера. Уже 8:22, а идти быстрым шагом еще минут десять. Я ускоряюсь. Из рюкзака доносится звон металлического шарика, описывающего круг по внутренней стенке одного из баллончиков. Не думаю, что случайный прохожий узнает этот звук, а если узнает... что с того? Я еще ничего не сделал, да и не каждый готов донести на незнакомого человека. Не так ли? И все-таки сегодня лучше не рисковать. Я перехожу обратно на шаг.

Холодно. Кажется, промокла правая кроссовка, хотя лужи я старательно обхожу. Надо было надеть кеды потеплее, те, что с кожаными носками. А теперь вода, только недавно упавшая с неба, поднимается обратно вверх по волокнам ткани, из которой сделана моя кроссовка.

Как же много народу... Тротуар слишком узкий, чтобы их обогнать, и я вынужден стать частью этого потока. Никогда так резко не чувствуешь свою незначительность, как находясь в толпе, иду-

щей с тобой в одном направлении. Обычно музыка скрашивает такие моменты, но сегодня я забыл наушники в других штанах, и спасения нет. Графитовый купол вечернего неба накрывает город, окрашивая все в оттенки одного цвета, а гул ветра и шипение автомобильных шин на мокром асфальте отлично дополняют эту картину. Город сегодня звучит так же, как выглядит. Кажется, промокла вторая кроссовка.

Ярик сказал, что спускается. Я здороваюсь с пожилой женщиной, которая заходит в подъезд. Она молча проходит мимо. Иногда видишь себя со стороны и понимаешь, что главный герой ты только в своем мире, а для других ты всего лишь часть массовки — незначительная фигура, которую поставили в кадр, чтобы добавить сцене реалистичности. В голове проносится мысль, что каждый человек — единственный зритель фильма, который показывает ему жизнь. Такие мысли лучше держать при себе, иначе все узнают, что ты не такой умный, каким хочешь казаться. А вот и Ярик.

Мы направляемся к автобусной остановке. Ярик говорит, что его мама завела очередного ухажера, и теперь ему не придется придумывать отмазки, чтобы совершать вылазки по ночам. Везет, говорю я, мне каждый раз приходится изобретать для родителей новую историю. Сегодня они думают, что меня позвали на день рождения.

Отца Ярика забрали, когда ему было восемь. Никто не знает, за что, но он помнит его как тихого и спокойного человека, поэтому вряд ли тот сделал что-то интересное. Скорее всего, это было что-то непримечательное, вроде курения в неподобающем месте. Ярик спокойно говорит о своем отце, как будто тот уехал в командировку и скоро вернется. Сам он не беспокоится, что любого из нас может постигнуть та же участь: «Заберут и заберут, значит, так суждено», — говорит он.

Я знаю, что он действительно так думает, и это в нем пугает и восхищает меня больше всего.

«Откуда нам знать, может, там еще лучше, чем здесь, просто нам никто об этом не говорит».

Не уверен, шутит он или нет, поэтому в ответ на эти слова издаю неопределенный звук, который, как я надеюсь, выражает мое сомнение и в то же время уважение к его теории, ведь аргументов, чтобы поспорить с ним, у меня нет. Никто не знает, куда увозят

людей. Их забирают, и больше о них никто не слышит. Не хочу рушить иллюзию друга о возможности снова увидеть отца, если он действительно в это верит.

Мне сложно признаться в этом, но сегодня я боюсь. Неделю назад мне исполнилось двадцать, а значит, теперь меня тоже могут забрать. «Человек, способный нарушить закон, не может оставаться среди людей». Теперь эти слова относятся и ко мне.

— Не бойсь, — говорит Ярик, когда автобус, скрипя тормозами, останавливается перед нами, — мы все продумали.

Я никогда не умел скрывать свои мысли.

Двери распахиваются, и мы оказываемся в залитом теплым светом салоне. Электрический свет — единственное, с чем не может справиться сегодняшняя серость. Мы начинаем движение, и мысли растворяются в монотонном гуле старого мотора. Я оборачиваюсь и рассматриваю людей вокруг. Все до единого сидят молча, с томными усталыми лицами, вероятно прокручивая в голове очередной прожитый ими день. На секунду я представляю, что пассажиры этого автобуса последние люди на Земле, покидающие планету последним межпланетным экспрессом. Я отворачиваюсь и смотрю в окно, в котором видно только мое отражение.

— Выходим. — Ярик толкает меня, и я понимаю, что задремал.

Я не мог проспать больше десяти минут, но сон, который мне снился, кажется намного длиннее. В нем на древнеримский город падали сотни огромных золотых шаров, превращая каменные здания в пыль, а мы, простой народ, бежали в своих балахонах и сандалиях, пытаясь найти спасение.

Моросит дождь. Мы накидываем капюшоны и выходим из-под укрытия остановки.

— Кто-то их запускал или они просто падали с неба? — спрашивает Ярик.

— Не уверен.

— Хм, это важно, — говорит он и молча продолжает идти, будто пытаясь вспомнить мой сон.

Сейчас около десяти вечера. Мы стоим возле забора из железных прутьев и, убедившись, что вокруг никого, скидываем из-за спины рюкзаки. Ярик достает резиновую маску и надевает ее. Передо мной оказывается мужчина с крючковатым носом и мясистыми бровями. В темноте это лицо выглядит зловеще, но вполне

реалистично. Я сую руку в свой рюкзак и достаю точно такую же маску. Следом мы достаем рабочие жилеты со светоотражающими элементами и надеваем их поверх своих толстовок. Мы пролезаем через отверстие в заборе, там, где отогнут один из прутьев, и спокойно переходим связку железнодорожных путей. Красться пригнув голову — плохая идея. Твоя видимость особо не меняется, а выглядишь ты в разы подозрительнее. Где-то на полпути, между двух припаркованных вагонов, я вижу ржавый знак, вероятно, сваренный из подручных средств рабочими депо, на котором белой краской выведены слова «РАБОТАЮТ ЛЮДИ». Должно быть, их работу мало ценят, раз им приходится напоминать о себе.

По ту сторону путей, за рядами деревьев, возвышается цементный скелет башни недостроенного бизнес-центра — руины строения, которое никогда не будет завершено. Если архитектура — это то, с чем не справилась природа, то заброшенная стройка — это то, с чем не справился человек.

Добравшись до противоположной стороны, мы прислоняемся спинами к стене, и некоторое время стоим неподвижно. Все тихо. Ярик кивком показывает на точку метрах в шестидесяти от нас, и мы медленно продвигаемся к ней. Оказавшись под прикрытием отцепленного вагона, мы перелезаем через забор и проходим сквозь ряды деревьев, некогда аккуратно высаженных, чтобы отделить парковку от железной дороги. Перед тем как покинуть свое убежище, я еще раз осматриваю здание. Освещение парковки не работает, а в самом здании электрической проводки нету вовсе, и, тем не менее, башня и территория вокруг освещены ярким холодным светом. Я поднимаю голову и вижу Луну, невольно отражающую от себя солнечный свет. С таким светом рисовать будет намного легче, возможно, даже не понадобятся фонарики, но в то же время нас будет легче заметить. Думаю, ей все равно. Я опускаю взгляд обратно на Землю.

Мы пролезаем под красно-белой ленточкой и заходим в здание через отверстие в фасаде, которое по плану должно было быть центральным входом. Здесь мы скидываем свой камуфляж и убираем обратно в рюкзаки. Мы проходим вестибюль насквозь и находим лестницу.

После первых десяти этажей я чувствую себя ничуть не хуже, чем внизу, и тихо горжусь своей физической выносливостью. По-

сле тринадцатого у меня темнеет в глазах, и я останавливаюсь, сплевывая слюну на бетонный пол. Ярик отвечает какую-то шутку, но я его не слышу, потому что, когда я выдыхаюсь, мне закладывает уши.

Двадцать третий этаж. Отсюда открывается неплохой вид на бесконечные ряды серых домов, в которых одно за другим гаснут окна. Некоторое время мы молча смотрим вдаль на засыпающий город.

— Лепотааа, — протягивает Ярик.

Где-то вдалеке над крышами сверкает молния — нам лучше поторопиться. Раскат грома. Мы переходим из комнаты в комнату в поисках стены, которая выходит на скоростную магистраль. Через несколько минут мы находим то, что искали, — стену, которая видна всем проезжающим внизу автомобилям. Планировка этажей стандартная, и мы решаем, что Ярик спустится на этаж ниже, тогда у каждого будет своя стена, а, значит, у каждого будет больше места. «Пятнадцать минут», — объявляет он, берет свой рюкзак и спускается вниз. Я остаюсь один.

Не могу сказать, что мне когда-то особо давался классический нью-йоркский стиль. Буквы то и дело оказывались то слишком близко, то слишком далеко друг от друга. Поэтому я стал писать угловатые, геометрически правильные буквы, которые ровно прилегают одна к другой. В отличие от Ярика, я люблю использовать приглушенные цвета, те, что дают ощущение, будто эта надпись была здесь всегда. Но когда рисуешь так высоко, важно, чтобы издали она хорошо читалась, тем более что этажом ниже Ярик, как всегда, рисует лимонным желтым, а рядом с ним приглушенные цвета и вовсе никто не заметит. Посмотрим, что есть в рюкзаке. Красный точно заметят, и на сером бетоне он должен выглядеть неплохо. Я встряхиваю баллончик, нажимаю на крышку и газ выталкивает наружу красное облако, которое тонким слоем ложится на стену.

Что за звук? Я медленно подхожу к краю и смотрю вниз. На секунду картинка плывет перед глазами, то ли от высоты, то ли от вида трех серых автомобилей с мигалками, припаркованных подо мной. Я резко отступаю от края, и мне требуется несколько секунд, чтобы унять панику. Надо найти Ярика. Я кидаю баллончики в рюкзак и начинаю искать лестницу, оставив позади красные разводы на стене, не представляющие никакой художественной ценности.

Стоило бы как следует изучить план отхода, потому что проем, который, как мне казалось, должен вести на лестницу, оказывается пустой шахтой лифта, и я еле успеваю остановиться, чтобы не шагнуть туда.

— Ярик! — шепотом кричу я в шахту. Ответа нет. — Я-рик! — Тишина.

Я бегу по коридору, заглядывая в каждый дверной проем. Не помню, чтобы лестница была так далеко. Вижу ступени. Не уверен, что это та же лестница, но выбирать не приходится. Я спускаюсь на этаж ниже.

— Ты чего?

Я с ужасом оборачиваюсь и вижу насмешливый взгляд друга.

— Они внизу, — говорю я.

Где-то слышатся голоса. Мы замираем, затаив дыхание. Они поднимаются.

Мы бежим вглубь здания и останавливаемся в огромном холле, из которого в разные стороны расходятся лучи коридоров. Я не имею ни малейшего представления, где мы, поэтому не особо важно, какое направление выбрать. Голоса совсем близко. Я бросаюсь в сторону одного из коридоров.

— Сюда! — шепчет Ярик.

Я оборачиваюсь и вижу его в соседнем дверном проеме. На секунду я застываю в нерешительности, но вид трех фигур в темно-серой форме, выбегающих из темноты, не оставляет выбора. В глаза бьет лезвие света, отпечатывая на сетчатке идеальный круг от линзы фонарика. Ослепленный, я ныряю в свой коридор.

Сзади слышны бегущие шаги.

— Это ты? — кричу я в надежде услышать голос Ярика, но в ответ слышу лишь собственный голос, отражающийся от бетонных стен.

Мне в спину ударяет луч света, и я вижу, как впереди вырастает моя длинная бегущая тень.

— Стоять! — раздается голос сзади.

Не разбирая дороги, я сворачиваю в первый попавшийся проем. Затем второй. Третий. Четвертый. Внезапно меня оглушает пронзительный крик, и сразу же он стремительно отдалается вниз. Мой преследователь свернул в пустую шахту лифта.

Я оказываюсь в полной темноте. У меня в рюкзаке есть фонарик, но зажигать его я не решаюсь, да и не думаю, что смог бы это

сделать такими трясущимися руками. Скользя ладонью по стенам, я еще какое-то время двигаюсь вперед, но вскоре без сил опускаюсь по стене на невидимый пол. Я прислушиваюсь — голосов не слышно. Через несколько часов я засыпаю под отдаленные раскаты грома и размеренный шум дождя.

Снова вечер. Похоже, я просидел здесь целые сутки. Я нахожу окно и смотрю вниз. Никого. Вынув из рюкзака все баллончики, я медленно спускаюсь по лестнице и выглядываю на улицу. Машин нет. Людей нет. Сейчас искать Ярика опасно и бесполезно. Надеюсь, ему удалось сбежать. Пока есть шанс, нужно попасть домой.

Я сижу на своей кровати, уткнув взгляд в узор прикроватного коврика. Мама с папой стоят надо мной, требуя объяснений. У меня в ушах все еще слышится тот крик, а в воображении крутится образ безликого человека, летящего вниз, до последнего пытающегося зацепиться за воздух. Этот образ сменяет лицо Ярика, освещенного лучами фонариков, ныряющего в темный коридор.

— Ты слышишь, что я говорю?

— Да, пап.

Гаснет свет. Образы вновь и вновь сменяют друг друга в моей голове. Я проваливаюсь в сон и вижу Ярика, летящего в бездну.

Прошло два месяца. Я не знаю, где он сейчас, жив он или мертв. За мной все еще не пришли, и я продолжаю жить, зная, что это может случиться в любой момент. Иногда слова Ярика раздаются эхом у меня в голове: «Может, там еще лучше, чем здесь...»

Что ж... Возможно, когда заберут всех, кто тебе дорог, эти слова действительно окажутся правдой.

